

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Е.Л. Черткова

Критический дух и поиск истины. Памяти А.Л. Никифорова

Черткова Елена Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: chertkovaelena105@gmail.com

В статье рассматриваются взгляды Александра Леонидовича Никифорова (28.04.1940–29.09.2023), имя которого неотделимо от становления и развития отечественной эпистемологии. Отмечается его устойчивый интерес к проблеме корреспондентной концепции истины и ее защите от внутринаучной и социальной критики, разбирается обоснование единой природы науки как знания и критика толкования технонауки как третьей, постнеклассической стадии развития науки. В свете корреспондентной концепции истины рассматривается вопрос о когнитивном статусе гуманитарного, в особенности исторического, знания, в частности вопрос гносеологической правомерности использования в исторических исследованиях понятия «правда» вместо понятия «истина». Показано, что А.Л. Никифоров предложил уточненное понятие правды, сохраняющее общность с истиной как соответствием, но в данном случае не самому историческому событию, а доступным историческим данным и принятым в этой науке методам. В таком адаптированном виде правда может служить критерием отличия научного исследования от иных форм исторического описания, но не обеспечивает всех условий корреспондентной теории истины, применение которой даже в академической истории признается ограниченным. Главное, что объединяет анализ проблемы истины в контексте изучения технонауки, с одной стороны, и исторического исследования, с другой стороны, – это различие и распознавание реализуемых в них познавательных и непознавательных целей (практических, идеологических) и связанных с ними гносеологических и аксиологических критериев и установок, когнитивной и эмоциональной составляющих. Обосновывается, что, утверждая значимость понятия истины, А.Л. Никифоров стоит на защите автономии научного исследования, его методологии и этоса как условий ответственного поведения ученых, что и обеспечивает высокий статус науки в обществе и культуре. Показано, как А.Л. Никифоров отстаивал специфику философской эпистемологии, отличая ее от иных специально-научных

способов исследования науки. Делается вывод, что помимо решения конкретных теоретико-познавательных и методологических проблем вклад А.Л. Никифоров заключается в реализации критически-скептического подхода, позволяющего, в частности, минимизировать негативное влияние на исследовательский процесс фетишизации авторитетных и признанных в научном сообществе позиций. Воплощая идеалы критицизма в своем творчестве, А.Л. Никифоров был одним из тех, кто способствовал обретению российской философией нового дыхания.

Ключевые слова: корреспондентная концепция истины, знание, наука, технонаука, цель, смысл, специфика философии, методология истории, истина и правда

Имя Александра Леонидовича Никифорова известно не только каждому философу, но и многим за пределами его науки, по крайней мере, всем, прошедшим подготовку в аспирантуре и изучавшим курс «Философия и методология науки» по написанным им книгам и учебникам. Без преувеличения, А.Л. Никифоров – один из самых известных философов науки за последние полвека, и все это время он проработал в Институте философии РАН. И хотя логика, методология и философия науки с самого начала его научной жизни были в приоритете, его никак нельзя причислить к разряду узких специалистов. Незаурядные исследовательские способности, невероятное трудолюбие, ораторский и даже артистический талант научной коммуникации послужили надежной основой его успешной научной карьеры. Творческое наследие Александра Леонидовича обширно и многогранно, и нет смысла пытаться как-то охватить все в одной статье. Я попытаюсь передать свое видение личностных особенностей его научного творчества, стиля мышления и манеры изложения, как они проявились в его работах, преподавании и многочисленных выступлениях. Для этого остановлюсь на двух моментах – исследовании проблемы истины и защите специфики философского анализа науки.

Технократический образ науки и проблема истины

Центром философских исследований А.Л. Никифорова были проблемы науки, истины, объективности, цели и смысла научного прогресса. Поддержка классического понимания истины как центральной категории эпистемологии, как неотъемлемой, сущностной характеристики знания в его отличии от мнения, убеждения, веры и иных форм познавательной деятельности проходит лейтмотивом философских размышлений Александра Леонидовича. Он последовательно отстаивал классическую, или корреспондентную, концепцию истины, обдумывал возможности ее применения, учитывая новые тенденции развития знания. Во многих его работах рассматриваются как внутринаучные, методологические, теоретические причины критики понятия истины (вплоть до попыток совсем исключить его из арсенала эпистемологии), так и внешние, идущие от изменения роли науки в современном обществе и соответствующие этому иному образу науки как технонауки. Он показывает, что внутринаучная критика истины приводит к релятивизму, а социальная трансформация науки, прогрессирующее вытеснение фундаментальной

науки технонаукой – к искажениям логики развития науки, ее методологических и ценностных установок. Возражая против трактовки В.С. Степным технонауки как третьей, постнеклассической стадии в развитии науки, А.Л. Никифоров пишет, что «наука, рассматриваемая как деятельность по выработке объективно (интерсубъективно) истинного знания, с ее требованиями к методам и способам получения знания, какой была во времена Ньютона, такой и осталась до сих пор. Никакие революции не изменили ее характера» [Никифоров, 2023б, с. 239], а трансформации, обозначенные В.С. Степным как «постнеклассическая стадия», – это «не есть процесс развития и изменения науки, это процесс изменения места науки в обществе, рост прикладного знания и постепенного вытеснения прикладными науками собственно науки – фундаментальной» [Там же, с. 237]. «На протяжении XX в., – констатирует А.Л. Никифоров, – природа науки существенно изменилась, и ныне наука уже не представляет собой бескорыстный и увлекательный поиск истины, ее главной целью стал поиск новых технологий» [Никифоров 2019б, с. 56]. И это уже другая наука. В «другой науке» истинностные характеристики знания как соответствия уже не играют такой роли и заменяются эффективностью для решения конкретной задачи. В этом он вполне солидарен с К. Поппером, отмечавшим, что «в поисках эффективных инструментов мы во многих случаях используем теории, ложность которых известна» [Поппер, 1983, с. 341].

Присущий Александру Леонидовичу гносеологический оптимизм и приверженность истине плохо сочетаются с технократическим образом науки, отрицающим или делающим необязательным, второстепенным ценность истины. Доминирование утилитарных целей в технонауке лишает научное познание собственной ценности как деятельности, направленной на поиск истины. Представляет ли истина какую-то ценность для современного человека, вопрошает А.Л. Никифоров, «не являемся ли мы свидетелями конца науки как бескорыстного поиска истины, вдохновляемого нашей природной любознательностью и чувством прекрасного? Или умирают лишь естественные науки, привязанные к технике?» [Никифоров, 2019а, с. 28]. Возможна ли истина в гуманитарных науках? Представляют ли они институты, нацеленные на производство истинного знания? Многие социальные науки по своим методам и функциям существенно приблизились к наукам естественным и также ориентированы более на технологическое применение в социальной сфере, чем на истину. Но сохраняется и чисто гуманитарное знание, не захваченное еще технократическим дискурсом и ориентированное прежде всего на научное исследование жизни человека и общества, служащее обогащению духовного мира человека. Наука история, как убежден А.Л. Никифоров, из их числа. Это утверждение звучит несколько вызывающе, если помнить, что в кризисные времена именно история первой превращается в идеологическое оружие, а ее научный характер подвергается большим испытаниям. Но именно такие острые проблемы характерны для стиля мышления Александра Леонидовича.

Истина и правда

Вопрос о возможности истории как науки А.Л. Никифоров рассматривает в контексте проблемы истины и правды, в связи с трудностями применения истинностной оценки к описаниям исторических событий. Без переосмысления корреспондентной теории таким образом, чтобы она могла работать в историческом исследовании, трудно обосновать когнитивную ценность исторического знания как знания истинного, обоснованного и проверяемого. Последовательно сравнивая естественнонаучное и гуманитарное знание, Александр Леонидович показывает различие их онтологического базиса: объективная реальность, с одной стороны, и мир общественных отношений, творимых людьми, действующих в соответствии со своими целями, намерениями, желаниями, – с другой. В общественных науках знание детерминировано еще и имеющимися у субъекта мировоззренческими и личностными представлениями – о благе и справедливости, обобществленном идеале. В содержание знания в общественных науках «включается не только идея соответствия объекту, но еще и идея соответствия субъекту – его высшим ценностным представлениям» [Никифоров, 2023в, с. 688]. Это влечет за собой и отличную от естествознания методологию познания социальных явлений. Интенциональность действий и поступков требует их интерпретации, что вносит в описание субъективные интенции историка и лишает исторические факты той общезначимости, какая присуща фактам в естествознании (можно сказать, что «нагруженность» фактов истории на порядок превосходит «нагруженность» фактов естествознания). Для истории есть и другая дополнительная трудность – она описывает события, которых уже нет в настоящем, и потому невозможно установить соответствие, соотнести описание события с самим событием. Все это правомерно вызывает вопрос о применимости классической истинностной оценки к историческому описанию и в конечном счете – о возможности рассматривать историю в качестве науки.

В виде альтернативы понятию «истина» в исторической науке предлагалось понятие «правда». Вопрос в том, насколько правомерна эта замена с точки зрения гносеологического оправдания научности истории. А.Л. Никифоров, не изменяя своему стилю, начинает с уточнения понятия «правда», чтобы снять возможные разночтения, обнажить суть и после этого выяснить его преимущества или, напротив, непригодность для решения вопроса о научном статусе истории. В итоге он предлагает свое собственное понимание, отличное от сложившейся традиции. Обычно в русской философии наряду с парой «правда – истина» широко использовалось словосочетание «правда – справедливость», когда понятие «правда» выражало синтез истины и справедливости, причем определяющим было второе понятие. «Правда» противостоит и понятию «польза» при определении своего отношения к миру и другим людям. В нем объединяются социальные и нравственные идеалы, что говорит о его принадлежности к миру должного. Функционально понятие «правда» служит «усилителем» как истины, так и справедливости.

При обсуждении возможности обоснованного истинного знания в исторической науке А.Л. Никифоров идет своим путем: не соединяет понятия

«правда» и «истина», как это происходило обычно, а скорее различает и даже противопоставляет. Для признания высказывания истинным необходима его обоснованность – теоретическая доказательность и экспериментальная проверка. Но если истина детерминирована в конечном счете объектом, то правда – субъектом. Я бы продолжила эту мысль и добавила, что истина объединяет, тогда как правда может и разъединять. Отсюда и разное эмоциональное отношение: «Отстаивая правду, люди, по сути дела, борются за реализацию того социального мира, в котором им хотелось бы жить» [Никифоров, 1995, с. 117]. В отличие от истины как объективного знания, правда включает субъективный смысл, а гносеологическое отношение, что особенно важно, становится подчиненным ценностному. Правда – это тоже знание, но вплетенное в личностный мир субъекта, интерпретированное в соответствии с его идеалами, интересами и слитое с ними. Я бы сказала, что в понятии «правда» воплощен результат эмоционального, душевного творчества, тогда как в понятии «истина» – рационального, научного. Как отмечает А.Л. Никифоров, если стремление к истине является движущей силой познания, то идеал правды, стремление к ней – важнейший источник жизненной энергии человека. Поэтому правда более способна вдохновить человека, чем объективная истина. Именно в правде, в отличие от истины, гносеологический аспект подчинен экзистенциальному и волевому. В силу этой зависимости правда как субъективно приемлемое и желаемое не всегда совпадает с истиной. Но для воздействия на приверженцев данной правды аксиологический аспект как бы компенсирует слабость рационального обоснования, необходимого для истины, за счет ее эмоциональной привлекательности.

Но может ли привлекательность исторического описания служить основой для истории как науки? Действительно, если мы не имеем возможности отличать истинные описания событий от ложных, мифологическую конструкцию от научной концепции, то история не является наукой. «Если историк не претендует на истинное описание прошлого, – пишет А.Л. Никифоров, – то он – литератор, пропагандист, публицист, кто угодно, но только не историк» [Никифоров, 2008, с. 63]. Понятие научной рациональности включает в себя ряд выстраданных историей познания методологических и этических требований, обязательных для любой области научного познания – как естественнонаучного, так и гуманитарного. К ним относятся рефлексия и интеллектуальная честность, побуждающие ученого-историка осознать свои предпочтения и политические убеждения как личные и отстраниться от них (заклучить в скобки), чтобы обратиться к сути исследуемых событий.

Мне представляется очень актуальным четкое разграничение эпистемологических вопросов об истине в исторических исследованиях и прагматических задач, выполняемых коллективной памятью. Национальная идеология, основанная на мифе, в конечном счете обнаружит свою несостоятельность, придя в конфликт с действительностью, что для национального сознания может принести больше вреда, чем пользы, а для науки – безусловный вред. Миф как продукт воображения и эмоций опирается на психологический критерий правды, а не на гносеологическое понятие истины. Близкое к этому сопоставление правды и истины столетием ранее проводил Б.В. Вышеславцев.

Он писал, что через эти два понятия русский язык позволяет отделить результат душевного творчества от научного:

На самом деле миф и воображение имеют свой критерий истины. И критерий истины здесь другой, чем в научном познании действительности. Здесь нужно говорить о критерии правды, а не научной истины, как выражения эмпирического объекта. Критерий правды прежде всего имеет аксиологическое значение, выражает ценность, а не реальное бытие [Вышеславцев, 1994, с. 58].

В качестве образца методологической ошибки смешения знания и мифа, синкретизма познавательных и практических целей А.Л. Никифоров приводит известное заявление В.Р. Мединского, вызвавшее в свое время бурное обсуждение среди ученых-гуманитариев, прежде всего историков. Этот, по выражению Александра Леонидовича, «сильный тезис» Мединский высказывал неоднократно, в том числе и в СМИ, демонстрируя твердую убежденность в нем: «Не в первый раз предлагаю: давайте исходить не из деталей истории, а из нашего отношения к ним. Из фактов конструируется миф. Именно он живет в народе, именно он формирует отношение к прошлому, определяют коллективную историческую память. Миф – это матрица. Все новые получаемые нами знания накладываются уже на этот матричный миф» [Мединский, 2014, с. 649]. Для истории как науки данный тезис звучит как приговор, поскольку именно в истинном описании событий прошлого мыслят историки цель своей науки. Задача ученого не конструировать мифы, а разрушать их и добывать доказательное и проверяемое знание об изучаемых событиях. «Если все мифы равноправны, – заключает А.Л. Никифоров, – если нет разницы между идеологическим шарлатанством и добросовестным трудом историка, то народ лишается исторической памяти, утрачивает национальную идентичность и становится игрушкой в руках правящих элит» [Никифоров, 2023а, с. 554–555].

В итоге проведенного анализа Александр Леонидович приходит к необходимости уточнения понятия «правда» таким образом, чтобы оно соотносилось не с мифом, а с истиной, но в ее более «легком» или менее строгом понимании, и предлагает понятие «правдивость». Историческое повествование является правдивым, если соответствует доступным в настоящем времени данным о прошлом событии, сохранившимся письменным источникам и материальным свидетельствам. В таком адаптированном значении понятие «правда» может служить критерием, отличающим научное исследование историка от иных форм исторических писаний, поскольку «соответствие имеющимся данным – это то, что правда заимствует у истины, в чем она похожа на истину...» [Там же, с. 555]. Конечно, даже правдивые исторические описания могут создавать разные изображения прошлых событий, но «если они согласуются с имеющимися источниками, то все они несут в себе что-то от истины» [Там же, с. 556]. Что же касается вопроса о научности истории, то вывод таков:

Место «чистой» истории, стремящейся описать прошлое таким, каким оно было на самом деле, и обосновывающей свой научный статус, опираясь на корреспондентную теорию истины, в современной исторической науке весьма ограничено. <...> эпистемологическое обоснование научного статуса

исторических исследований нового типа стоит искать скорее в сфере используемых ими методологий, нежели в попытке рационально обосновать оценочные суждения [Никифоров, Соколова, 2018, с. 84].

В своих размышлениях об истине как в естествознании, так и в истории А.Л. Никифоров проводит различие познавательных и непознавательных целей, гносеологических и аксиологических критериев и установок. В технауке, в отличие от науки фундаментальной, он отмечал доминирование практических целей, что существенно повлияло на смысл и ценность понятия истины, превращение ее из цели в средство. В исторической науке он также стоит на защите рациональности на фоне расцвета новых мифов, эксплуатирующих эмоции людей. Через анализ проблемы соотношения понятий истины и правды «чистая история» как профессиональная деятельность историка, имеющая свой предмет исследования, собственные методы и стандарты, отделяется от разнообразных способов оформления коллективной исторической памяти, для которых познавательный интерес становится только средством для иных, непознавательных, в конечном счете идеологических и политических целей. В обоих случаях речь идет о защите автономии научного исследования, нацеленного на получение истинного знания, о чистоте методов науки, ее этосе, обеспечивающем ответственное поведение ученых. Только при таких условиях научное знание может быть полезным обществу.

Защита философии

Свои эпистемологические концепции А.Л. Никифоров вырабатывал и оттачивал в ходе и посредством критического анализа наиболее известных работ признанных представителей философии науки, многие из которых он переводил и комментировал. Благодаря своему критически-скептическому складу ума и высокой логической культуре он не поддавался обаянию известных имен и нередко высказывался весьма нелицеприятно в адрес общепризнанных авторитетов, если их позиции были для него малоубедительными. На мой взгляд, более всего он ценил два принципа – ясность высказывания и сохранение специфики философского подхода. Именно они служили основными мотивами для его остро критических выступлений. Достаточно вспомнить его отношение к нашумевшей статье Э. Геттиера [Никифоров, 2009], в которой вследствие неразличения понятия «знание» и глагола «знать» гносеологические проблемы трансформировались в лингвистические. «Обсуждение знания как философской категории, – писал А.Л. Никифоров, – эта статья перевела в разговор о психическом индивидуальном состоянии “знать”, “быть уверенным”, “сомневаться” и т.п. или о разнообразных смыслах слова “знать”, т.е. в разговор о словоупотреблении, – в полном согласии с поздним Витгенштейном» [Там же, с. 68]. Признанная гениальной работа Геттиера получила у А.Л. Никифорова весьма суровую оценку: «Как философское произведение она не заслуживает никакого внимания...» [Там же, с. 67]. По ходу критики он развивает свою семантическую концепцию и предлагает свой философский ответ на вопрос «Что такое знание?», рассматривая его как исходное понятие

эпистемологии, с анализа которого начиналась философия как преодоление мифологии, а затем и как философия науки. Вопрос о том, что такое знание, он считал и практически важным для людей, живущих в атмосфере постправды, когда требуются большие усилия, чтобы «отличить научное знание от верований, предрассудков, идеологии, пропаганды и всего остального мусора, который обрушивают на наши головы средства массовой информации» [Никифоров, 2009, с. 62].

Наиболее ярким примером критического стиля мышления Александра Леонидовича, его способности противостоять установившимся, разделяемым многими коллегами по профессии взглядам служат его высказывания в отношении признанного авторитета в современной философии Людвиг Витгенштейна. Надо было иметь твердую убежденность в своих взглядах и незаурядную смелость, чтобы в период юбилейных собраний и конференций, посвященных 100-летию публикации «Логико-философского трактата», выступить с довольно резкой критикой его идей и выразить несогласие с высокой оценкой вклада «Трактата» в развитие современной философии, разделяемой многими российскими коллегами и известными в мире зарубежными философами [Никифоров, 2018; Никифоров, 2021а; Никифоров, 2021б]. На основании изучения истории идейного становления школы логического позитивизма он отстаивает мысль о преувеличенной оценке влияния «Трактата» на формирование концепции логического позитивизма, родоначальником которого тот считается, и приходит к заключению, что не находит в «Трактате» ценных идей для философии и для логики тоже. Без его решающего влияния, считает А.Л. Никифоров, логические позитивисты «сформулировали концепцию, которая на протяжении 30 лет была господствующей в философии науки. Ко всему этому “Трактат” Витгенштейна не имел никакого отношения. Логический позитивизм опирался на идеи Э. Маха, Г. Фреге и Б. Рассела, но не Витгенштейна» [Никифоров, 2021а, с. 27]. Даже в своей вполне позитивной оценке книги А.Ф. Грязнова «Аналитическая философия и ее место в культуре XX века», много внимания уделившей значению идей Витгенштейна для современной аналитической философии, А.Л. Никифоров в конце рецензии саркастически заметил: «Англо-американские философы извлекают какие-то идеи из рукописей Витгенштейна почти точно так же, как когда-то советские философы извлекали идеи из “Философских тетрадей” В.И. Ленина. История повторяется!» [Никифоров, 2006, с. 176–177]. Тремя годами раньше в дискуссионном разделе «Философского журнала» Александр Леонидович высказался еще более бескомпромиссно, увидев в феномене Витгенштейна один из главных символов деградации европейской культуры: «Он столь же непонятен, как “Квадрат” Малевича, и нуждается в истолкованиях и разъяснениях» [Никифоров, 2021б, с. 78]. Вместо поиска решения мучивших человечество проблем

Витгенштейн объявил всю предшествующую философию бессмысленной, а философские проблемы – иллюзорными, обусловленными неправильным употреблением языка. Отсюда вся философия сводится им к анализу языка. Философ уже не имеет права рассуждать о добре и зле, о смысле жизни, о счастье и свободе, о справедливости и красоте – об этом нужно молчать.

Но это означает конец философии как рационального мировоззрения, отличного от обыденного и религиозного! [Никифоров, 2021б].

Особенно большое негативное внимание к Витгенштейну можно объяснить несовместимостью их стилей мышления. Задаваясь вопросом о причинах столь длительного внимания к «Трактату», А.Л. Никифоров предположил, что «быть может, отчасти это обусловлено как раз неясностью афоризмов “Трактата”» [Никифоров, 2021а, с. 28], «в предложениях Витгенштейна довольно мало смысла, при этом он чрезвычайно расплывчат» [Никифоров, 2018, с. 169]. Эти неясно выраженные мысли вызывают желание оспорить их, противопоставить своему пониманию, дискутировать и полемизировать. И хотя это создает видимость развития философии, в действительности, утверждает А.Л. Никифоров, «возникает обширная литература, посвященная, в сущности, не обсуждению проблем, а спорам о словах» [Никифоров, 2021, с. 28], «все это – не более чем схоластическая игра словами на уровне повседневного рассудка» [Никифоров 2018, с. 163]. Философское содержание аналитической философии Александр Леонидович оценивает не менее строго и примерно по тем же причинам, что позволяет мне здесь ограничиться ссылкой на его статью [Никифоров, 2020]. Будучи профессиональным логиком, он признавал полезным анализ языка философии для прояснения смысла философских утверждений и сам постоянно им занимался, но при этом отстаивал существование собственной предметной области философии, ее право на рациональное рассмотрение жизненно важных для человека проблем, ценность рационального мировоззрения наряду с обыденным и религиозным.

Вместо заключения

Подводя итог своим заметкам о творчестве и личности А.Л. Никифорова, воспользуюсь некоторыми положениями из его собственного анализа философии К. Поппера. Он и здесь не отступил от абсолютного критицизма, даже в отношении чтимого всеми, в том числе и им самим, философа. В статье 2004 г., приуроченной к 10-летию смерти Поппера, Александр Леонидович задается вопросом: какие идеи один из «наиболее известных философов XX столетия» оставил XXI в.? И далее раскрывает более глубокий смысл поставленного в статье вопроса: «Дело даже не в самом Поппере. За разговорами о нем стоит гораздо более интересный и важный вопрос: что остается от творчества философа последующим поколениям?» [Никифоров, 2005, с. 65]. А.Л. Никифоров последовательно разбирает основные идеи и проблемы философии Поппера и по каждой из них выносит неутешительный вердикт. Поиск критерия демаркации сначала между наукой и псевдонаукой, а затем и между эмпирическими науками, логикой и математикой, ни к чему не привел, а сама проблема демаркации признана лишенной смысла, поскольку между науками и культурным контекстом происходит постоянный обмен идеями, понятиями, методами. Столь же безуспешны оказались и попытки решения других занимавших Поппера проблем – индукции, роста знания, которые он предлагал решать с помощью понятий фальсификации, правдоподобия и фаллибилизма.

В результате этих попыток, пишет А.Л. Никифоров, получается, что «научное знание – это ложь, которая претендует на то, чтобы быть истиной, и которую мы временно вынуждены принимать. Мне кажется, трудно всерьез рассматривать такое понимание знания» [Никифоров, 2005, с. 65]. По концепции «трех миров» он приходит к выводу о неприемлемости попперовского понимания мира объективного знания и считает, что на эпистемологию она не оказала влияния. А обоснование Поппером индетерминизма и свободы воли с помощью учения о предрасположенностях Александр Леонидович счел и «вовсе бессодержательным», создающим лишь иллюзию объяснения и понимания. И завершается этот критический обзор идей Поппера убийственным выводом: «Таким образом, окидывая общим взглядом основные идеи и концепции, выдвинутые Поппером, приходишь к неожиданному выводу: уже к концу XX в. от них ничего не осталось, все они были рассмотрены и отвергнуты, в XXI в. обсуждать идеи Поппера вряд ли кто-нибудь будет» [Там же, с. 74].

Для понимания личности и стиля самого А.Л. Никифорова особенно важно его объяснение причины такого обескураживающего итога. Некоторые из названных причин, на мой взгляд, вытекают скорее из достоинств философствования Поппера, являются их продолжением, и эти достоинства я нахожу присущими и самому А.Л. Никифорову. Первое – это стиль философствования, ясность, последовательность и убежденность, что позволяет многим быстро их воспринимать и подвергать критике, вырабатывая тем самым свои собственные позиции. Этим обусловлена его широкая известность, высокий профессиональный уровень обсуждения его идей, особенно в области философии и методологии науки, и их высокая оценка уже при жизни. Второе, что отметил А.Л. Никифоров, приверженность Поппера критическому рационализму и самоидентификация своей деятельности в качестве «критического» разума: «Поппер главную задачу видел в критике существующих теорий и концепций, с тем чтобы побыстрее разоблачить их ложность и заменить их другими концепциями. Он слишком большое значение придавал критике» [Там же, с. 76]. Будучи поборником и защитником научной рациональности, Поппер вернул философию науки в лоно философских (метафизических в терминологии позитивистов) проблем, что оказало плодотворное влияние на развитие философии науки, поскольку, отмечает А.Л. Никифоров, «сопровождалось громадным расширением кругозора и возрождением интереса философов науки к истории науки и вообще к истории человеческого познания» [Там же]. «Разгромный» анализ достижений Поппера и особенно объяснение причин соединения в нем поражения и триумфа, проливает свет и на философию Александра Леонидовича, признававшего, сколь сильным было влияние на него этого философа:

Его фаллибилизм и критицизм оказали, быть может, наибольшее влияние на советских философов, которые задыхались в душной атмосфере догматизированного марксизма. Критикуя – и часто вполне справедливо – те или иные концепции Поппера, мы незаметно для себя впитывали главное – критический дух его философии. И в этом смысле многие из тех, кто работал в области философии науки в советское время, вполне справедливо называли себя попперианцами. Воздействие его идей явно или неявно проявлялось в наших собственных размышлениях [Там же, с. 77].

Мне трудно придумать более точную характеристику научного вклада и самого Александра Леонидовича. Критический дух был особенно необходим нашей философии для обретения нового дыхания и своего лица, а подвижническая работа по переводам современных трудов по философии науки, организация семинаров и конференций с обсуждением новых идей и концепций формировали творческий климат в нашей философии. И, так же как после Поппера, останутся книги, написанные ясным и доступным языком, наглядно обучающие критическому мышлению, побуждающие размышлять и искать свои ответы на поставленные в них вопросы. Неустанная многолетняя преподавательская деятельность, подготовка новых поколений философов, аспирантов, докторантов – все это будет жить и воплощаться в новых философских идеях и концепциях его учеников и последователей, ибо жизнь разума и познания бесконечна.

Список литературы

Вышеславцев, 1994 – *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.

Мединский, 2014 – *Мединский В.Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Олма Медиа Групп, 2014. 704 с.

Никифоров, 1995 – *Никифоров А.Л.* Революция в теории познания // *Общественные науки и современность.* 1995. № 4. С. 112–117.

Никифоров, 2005 – *Никифоров А.Л.* Карл Поппер и XXI век // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2005. Т. 6. № 4. С. 64–77.

Никифоров, 2006 – *Никифоров А.Л.* Рец.: А.Ф. Грязнов. Аналитическая философия // *Вопросы философии.* 2006. № 7. С. 174–177.

Никифоров, 2008 – *Никифоров А.Л.* История versus псевдоистория // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2008. Т. 15. № 1. С. 62–65.

Никифоров, 2009 – *Никифоров А.Л.* Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2009. Т. XXI. № 3. С. 61–73.

Никифоров, 2018 – *Никифоров А.Л.* Не все то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // *Философский журнал.* 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

Никифоров, Соколова, 2018 – *Никифоров А.Л., Соколова Т.Д.* Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // *Вопросы философии.* 2018. № 12. С. 81–85.

Никифоров, 2019а – *Никифоров А.Л.* Будем думать вместе // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56. № 3. С. 56–57.

Никифоров, 2019б – *Никифоров А.Л.* Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56. № 3. С. 20–29.

Никифоров, 2020 – *Никифоров А.Л.* Является ли «аналитическая философия» философией? // *Философские науки.* 2020. Т. 63. № 8. С. 7–21.

Никифоров, 2021а – *Никифоров А.Л.* Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2021. Т. 58. № 1. С. 22–30.

Никифоров 2021б – *Никифоров А.Л.* Так что же такое «Трактат»? Ответ оппонентам // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2021. Т. 58. № 1. С. 75–78.

Никифоров 2023а – Никифоров А.Л. Историческая память и наука история // Никифоров А.Л. Избр. философские соч. Т. 2. М.: Вече, 2023. С. 424–616.

Никифоров, 2023б – Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека // Никифоров А.Л. Избр. философские соч. Т. 2. М.: Вече, 2023. С. 150–422.

Никифоров, 2023в – Никифоров А.Л. Философия и методология науки // Никифоров А.Л. Избр. философские соч. Т. 1. М.: Вече, 2023. С. 416–728.

Поппер, 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Critical spirit and search for truth. In memory of A.L. Nikiforov

Elena L. Chertkova

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: chertkovaelena105@gmail.com

The article examines the views of Alexander Leonidovich Nikiforov (04.28.1940–09.29.2023), whose name is inseparable from the formation and development of Russian epistemology. His persistent interest in the problem of the correspondent concept of truth and its protection from intrascientific and social criticism is noted, the rationale for the unified nature of science as knowledge and criticism of the interpretation of technoscience as the third, post-non-classical stage of the development of science are analyzed. In the light of the correspondent concept of truth, the question of the cognitive status of humanitarian, especially historical knowledge is considered, in particular the question of the epistemological legitimacy of using the concept “veracity [pravda]” instead of the concept “truth” in historical research. It is shown that A.L. Nikiforov proposed a concretized concept of truth that retains commonality with truth as correspondence, in this case, to the available historical data and methods accepted in this science. In such a refined form, veracity [pravda] can serve as a criterion for distinguishing scientific research from other forms of historical description, but does not provide all the conditions for the correspondence theory of truth, the use of which even in academic history is recognized as limited. The main thing that unites the analysis of the problem of truth in the context of the study of technoscience, on the one hand, and historical research, on the other hand, is the distinction and recognition of the cognitive and non-cognitive goals (practical, ideological) realized in them and the associated epistemological and axiological criteria and attitudes, cognitive and emotional components. It is substantiated that, asserting the significance of the concept of truth, A.L. Nikiforov stands for the defense of the autonomy of scientific research, its methodology and ethos as conditions for the responsible behavior of scientists, which ensures the high status of science in society and culture. Shown as A.L. Nikiforov defended the specificity of philosophical epistemology, distinguishing it from other special scientific methods of studying science. It is concluded that in addition to solving specific theoretical, epistemological and methodological problems, the contribution of A.L. Nikiforov is to implement a critical-skeptical approach, which allows, in particular, to minimize the negative impact of authoritative and recognized positions in the scientific community on the research process. Embodying the ideals of criticism in his work, A.L. Nikiforov was one of those who contributed to Russian philosophy finding a new breath.

Keywords: correspondent concept of truth, knowledge, science, technoscience, purpose, meaning, specificity of philosophy, methodology of history, truth and veracity [pravda]

References

- Medinskij, V.R. *Vojna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2014. 704 pp. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Analiz ponyatiya ‘znanie’: podhody i problem” [Analysis of the concept ‘knowledge’: approaches and problems], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61–73. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. Budem dumat’ vmeste [Let’s think together], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 56–57. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Filosofiya i metodologiya nauki” [Philosophy and methodology of science], in: A.L. Nikiforov, *Izbr. filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works], vol. 1. Moscow: Veche Publ., 2023, pp. 416–728. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Istoricheskaya pamyat’ i nauka istoriya” [Historical memory and science history], in: A.L. Nikiforov, *Izbr. filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works], vol. 2. Moscow: Veche Publ., 2023, pp. 424–616. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Istoriya versus psevdohistoriya?” [History versus pseudohistory?], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 62–65. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Karl Popper i XXI vek” [Karl Popper and the XXI century], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2005, vol. 6, no. 4, pp. 64–77. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Lyudvig Vitgenshtejn i logicheskij pozitivizm” [Ludwig Wittgenstein and Logical Positivism], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 22–30. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Ne vse to zoloto, chto blestit (‘Logiko-filosofskij traktat’ L. Vitgenshtejna)” [All that glitters is not gold (‘Logical-Philosophical Treatise’ by L. Wittgenstein)], *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 160–172. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Rec. A.F. Gryaznov. Analiticheskaya filosofiya” [A.F. Gryaznov. Analytical philosophy. Review], *Voprosy filosofii*, 2006, no. 7, pp. 174–177. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Revolyuciya v teorii poznaniya” [Revolution in the theory of knowledge], *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, 1995, no. 4, pp. 112–117. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka” [The structure and meaning of the human life world], in: A.L. Nikiforov, *Izbr. filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works], vol. 2. Moscow: Veche Publ., 2023, pp. 150–422. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Tak chto zhe takoe ‘Traktat’? Otvety opponenam” [So what is ‘Treatise’? Reply to opponents], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 75–78. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Transformaciya nauki v XX v.: ot poiska istiny k sovershenstvovaniyu tekhniki” [Transformation of science in the twentieth century: from the search for truth to the improvement of technology], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 20–29. (In Russian)
- Nikiforov, A.L. “Yavlyaetsya li ‘analiticheskaya filosofiya’ filosofiej?” [Is ‘analytical philosophy’ philosophy?], *Filosofskie nauki*, 2020, vol. 63, no. 8, pp. 7–21. (In Russian)
- Nikiforov, A.L., Sokolova, T.D. “Pravda i istina kak klyuchevye ponyatiya filosofii istorii: k epistemologicheskoy ocenke istoricheskikh sochinenij” [Pravda and truth as key concepts of the philosophy of history: towards an epistemological assessment of historical works], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 12, pp. 81–85. (In Russian)
- Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and the Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 pp. (In Russian)
- Vysheslavcev, B.P. *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of transformed eros]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 368 pp. (In Russian)